

ПРОЭКТЪ

КОЛЫВАНСКАГО И ИРКУТСКАГО ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРА

ЯКОБИ

О ЗАВОЕВАНІИ ЧАСТИ КИТАЯ.

Колыванскій и иркутскій генераль-губернаторъ Иванъ Варфоломеевичъ Якоби, проэктъ котораго о завоёваніи части Китая мы предполагаемъ изложить въ настоящей статьѣ, родился въ 1726 году. По окончаніи образованія въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, онъ былъ выпущенъ въ 1747 г. прапорщикомъ и отправился на службу къ отцу, бывшему комендантомъ въ Селенгинскѣ. Отсюда Якоби нѣсколько разъ ѣздилъ съ грамотами въ Пекинъ, а въ 1768 г., въ чинѣ полковника, участвовалъ на съѣздѣ съ китайскимъ дзаргучеемъ. По смерти отца и при началѣ возникшей тогда войны съ турками, онъ съ полкомъ своимъ выступилъ изъ Селенгинска въ половинѣ марта 1769 г. и въ концѣ февраля 1770 г. прибылъ въ кордонъ второй арміи, въ полномъ комплектѣ людей и съ незначительнымъ числомъ больныхъ. Здѣсь, за отличіе въ разныхъ сраженіяхъ, Якоби былъ награжденъ чиномъ генераль-маіора, а въ 1775 г., при заключеніи мира съ Турціею, получилъ въ Бѣлоруссіи 500 душъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ сдѣланъ губернаторомъ въ Астрахани и въ 1781 г. открылъ саратовское намѣстничество. Потомъ Якоби перемѣщенъ въ Уфу для исправленія должности уфимскаго и симбирскаго генераль-губернатора и главнаго командира оренбургскаго полевого корпуса и всѣхъ войскъ, расположенныхъ по линіямъ того края. Въ это время онъ уже былъ

въ чинѣ генераль-поручика. Въ 1783 г. Иванъ Варфоломеевичъ переведенъ, по собственному желанію, въ Сибирь, въ званіи правящаго должность колыванскаго и иркутскаго генераль-губернатора. Въ Иркутскѣ, гдѣ было постоянное его мѣстопробываніе, Якоби жилъ пышно, весело „какъ сатрапъ или сибаритъ“, замѣчаетъ лѣтописецъ. Однакоже это продолжалось не долго. Въ 1788 г., вслѣдствіе разныхъ доносовъ, онъ былъ смѣненъ. Храповицкій, подъ 13 апрѣля 1788 года, замѣчаетъ, что императрица Екатерина, изысняясь о дѣлахъ Якоби, сказала: „если-бы онъ былъ гордъ и если-бы у него было сердце, то теперь-бы уже зарѣзался“. Потомъ, подъ 7 іюня, статсъ-секретарь государыни прибавляетъ: „пріѣхалъ Якобій прямо въ Царское Село; не велѣно его представлять, пока не оправдается; онъ забѣгалъ къ графу А. М. Дмитріеву-Мамонову, но не принять“. О процессѣ Якоби желающіе могутъ прочесть въ „Запискахъ“ Державина. Онъ тянулся въ сенатѣ почти десять лѣтъ и кончился ничѣмъ; однакоже зачернилъ сибиряковъ въ мнѣніи правительства и чуть не въ мнѣніи всѣхъ русскихъ. Слова высочайшаго указа, полагавшаго конецъ этому дѣлу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подсудности Якоби, были слишкомъ громки, разительны. Указъ начинался такъ: „Читано предъ нами нѣсколько тысячъ листовъ подъ названіемъ сибирскаго якобіевского дѣла, изъ коего мы много не усмотрѣли, *кромя ябеды, сплетенъ и клеузъ*.“ Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императора Павла, Якоби „началино“, какъ замѣчаетъ Лубяновскій, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, былъ назначенъ шефомъ таврическаго полка (прежде князя Потемкина) и произведенъ въ генераль-отъ-инфантеріи. Въ это время Якоби былъ „полуслѣпой и ветхій и совсѣмъ оглохъ.“ Въ Ковнѣ государь, въ 1797 г., осматривалъ войска, расположенныя въ то время въ Литвѣ подъ главнымъ начальствомъ князя Н. В. Рѣпина. Взглянувъ на роту таврическаго полка, приготовленную къ разводу, и съ перваго шага увидѣвъ, что тамъ все было по старому, императоръ обратился къ шефу не безъ гнѣвнаго слова. Тотъ со слезами благодарилъ за всемиловѣйшій отзывъ о полку и о немъ. Но подѣхалъ князь

Рѣшннѣ и доложилъ, что старикъ, совсѣмъ оглохшій, плохо и видитъ. Тутъ-же велѣно генераль-адъютанту отдать въ приказѣ объ увольненіи Якоби отъ службы, по прошенью, за дряхлостью, съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ. Послѣ того Якоби жилъ постоянно въ Петербургѣ и умеръ въ 1803 году.

Неизвѣстно, какимъ путемъ проникла въ Сибирь копія съ проэкта колыванскаго и иркутскаго генераль-губернатора о завоєваніи части Китая; но намъ удалось видѣть и списать ее еще въ Красноярскѣ въ 1850 году. Впослѣдствіи времени, именно въ 1858 г., проэктъ этотъ напечатанъ въ 4 книжкѣ „Чтеній въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей руссійскихъ при московскомъ университетѣ“, подъ названіемъ: „Начертаніе къ двойственному умноженію пользы, съ расширеніемъ предѣловъ со стороны Китая.“ Первая часть проэкта относится къ китайскимъ предѣламъ; вторая къ предпріятіямъ на Персію, Бухару и Хиву. Въ нашемъ спискѣ находится только первая часть и по содержанію своему ничѣмъ не отличается отъ напечатанной въ „Чтеніяхъ“. Проэктъ Якоби такъ интересенъ, что мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ его содержаніемъ.

Часть русской границы, начинаясь отъ Гурьева Городка, въ кавказскомъ намѣстничествѣ, идетъ до Верхнеуральска на протяженіи 1100 верстъ и противъ нея кочуютъ киргизы меньшей Орды въ глубину степи до аральскаго моря. Затѣмъ отъ Верхнеуральска она склоняется къ усть-каменогорской крѣпости, на 2500 верстъ, и къ ней прилегаеъ средняя Орда, кочующая въ глубину къ озеру Норъ-зайсану и алтайскимъ горамъ. Наконецъ отъ Усть-Каменогорска эта граница идетъ на послѣдній знакъ на Енисеѣ, Шабинъ-Дабагъ, а отъ него къ удскому острогу. Между Усть-Каменогорскомъ и Шабинъ-Дабагомъ она соприкасается съ землями зенгорцевъ.

Съ зенгорцами изстари было постановлено, что всѣ мѣста, по которымъ протекають рѣки, впадающія въ сѣверный океанъ, съ ихъ вершинами, находятся въ нашихъ предѣлахъ. Въ послѣдствіи времени, хотя зенгорцы и изъявили притязанія на тѣ

мѣста, гдѣ построены города Томскъ, Кузнецкъ, Красноярскъ и разныя крѣпости и заводы, однако-же, вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ между ними, эти притязанія оставлены безъ удовлетворенія, да и самихъ ихъ нѣсколько тысячъ перешло въ подданство Россіи.

Между тѣмъ китайцы, воспользовавшись безпорядками у зенгорцевъ, заняли принадлежавшія имъ земли по Или и Норъ-зайсану и стали такимъ образомъ со-рубежниками Россіи. На Или они построили городъ, а за озеромъ Норъ-зайсаномъ завели поселеніе, землепашество и содержатъ значительное число войскъ. Поэтому, чтобы прикрыть заводы и пресѣчь дальнѣйшія покушенія китайцевъ къ занятію такихъ мѣстъ по Алтаю, гдѣ оказывались богатыя руды, въ 1760 г. правительствующимъ сенатомъ опредѣлено: отъ усть-каменогорской крѣпости по рѣкѣ Бухтармѣ до телецкаго озера построить укрѣпленія; равно обезопасить селенгинскую и нерчинскую границы, гдѣ у насъ было очень мало войска.

Съ другой стороны, границы китайскія, составляющія линію иркутскаго намѣстничества, поставлены графомъ Владиславичемъ съ большими неудобствами, относительно протяженія своего и многихъ поворотовъ и противъ прежняго отступлены внутрь земель, изстари Россіи принадлежащихъ.

Линія нашей границы отъ Усть-Каменогорска до знака Шабинъ-Дабага тянется по непроходимымъ горамъ и остается безъ стражи, а осматривается только весною, во время таянія снѣговъ, красноярскимъ комиссаромъ, профъзающимъ Енисеемъ по льду и возвращающимся во время тали по насту, если успѣетъ; но при раннемъ разлитіи рѣкъ онъ иначе не можетъ возвратиться, какъ на плотахъ. Линія-же отъ Шабинъ-Дабага до удскаго острога охраняется пограничными регулярными и нерегулярными войсками, до 4000 человекъ старыхъ и малыхъ, въ числѣ которыхъ состоятъ братскіе и единовѣрные мунгаламъ народы, отъ Тунки до Горбицы; а далѣе нѣтъ никакой стражи до самаго послѣдняго пограничнаго знака.

Велѣдствіе всего этого необходимо линію нашей границы привести въ такое положеніе, чтобы ее возможно было защищать и предотвратить могущія быть со стороны китайцевъ покушенія на наши предѣлы; необходимо возстановить старинныя права Россіи на озеро Норъ-зайсанъ съ верхнимъ Иртышемъ въ одну сторону и на земли, лежащія съ послѣдняго знака при Аргуни на устьѣ Амура—въ другую; необходимо смирить нестерпимую гордость, несносныя укоризны и кичливыя выраженія китайцевъ въ сношеніяхъ съ русскими властями; необходимо дать твердыя основанія торговлѣ нашей съ Китаемъ, оградивъ ее отъ прихоти его правительства; необходимо возратить отъ него все убытки, понесенные нами закрытіемъ съ его стороны торговаго Кяхтѣ; необходимо среднюю и меньшую Орды киргизъ-кайсаковъ включить въ наши границы, ибо хотя они и признаютъ верховную власть Россіи, но повинуются плохо, привыкли къ грабежамъ и хищничеству, нерѣдко нападаютъ на наши воинскіе разѣзды, захватываютъ плѣнныхъ и продаютъ ихъ въ Ташкендѣ, Бухару и Хиву; наконецъ, такъ какъ открытіе богатыхъ рудъ по Алтаю за нынѣшнюю нашу границу сдѣлано въ разные годы послѣ всѣхъ бывшихъ трактатовъ, то необходимо возобновить наше право на всю принадлежность намъ алтайскихъ горъ, ибо безъ этого китайцы будутъ препятствовать поискамъ рудъ и тѣмъ принесутъ намъ большіе убытки.

Правда, что китайцы многочисленны; но это еще не первое условіе побѣды. Вооруженіе китайцевъ весьма худо. Пѣхота имѣетъ фитильныя ружья съ литыми чугунными стволами, безъ казенныхъ шуруповъ. По тягости, ихъ обыкновенно въ походѣ возятъ на повозкахъ. Пушекъ большихъ нѣтъ, а есть фалконеты, возимые одной лошадейю по два на одной двухколесной тележкѣ. Конница ихъ и мунгалы вооружены луками и стрѣлами. Мунгалы, кочующіе обыкновенно между калганской стѣной и русскою границею, многолюдны, но будучи угнетены со стороны китайцевъ налогами и поборами, готовы принять наше подданство. Все китайскія крѣпости, какъ пограничныя, такъ и внутреннія, даже самый Пекинъ, защищены весьма худо и долго

держаться не могутъ. Первое пограничное мѣсто Урга обнесено только острогомъ и имѣетъ только двѣ или три небольшихъ пушки. Урга находится въ 400 верстахъ отъ Кяхты, а отъ Урги до калганской стѣны, на протяженіи 900 верстъ, тянется го-бійская степь, гдѣ нѣтъ никакой травы, кромѣ полыни, и никакой воды, кромѣ колодезной. Поэтому, при походѣ степью, необходимо имѣть піонерную команду для разчистки засорившихся колодезей и углубленія мелкихъ. Отъ калганской стѣны на 170 верстъ селенія всѣ неукрѣплены. За ними, на половинѣ дороги къ Пекину, находится городъ Чампинжунъ и въ 60 верстахъ—Чадовъ. Отъ Чадова встрѣчается еще стѣна, называемая Цаганъ-Гирыше, проведенная по горамъ и примыкающая къ большой калганской стѣнѣ. Отъ города Чадова до Пекина остается немного болѣе 100 верстъ; мѣстоположеніе гористое, но есть удобные проходы. Самый Пекинъ лежитъ на ровномъ мѣстѣ между великихъ горъ. Разстояніе отъ Калгана до Пекина 340 верстъ.

Для того, чтобы уничтожить всѣ препятствія, какія могутъ противопоставить пограничныя китайскія крѣпости, и уничтожить китайское войско, довольно будетъ дѣйствовать тремя корпусами—двумя со стороны иркутской губерніи и однимъ со стороны колыманской. Въ числѣ двухъ первыхъ—главный долженъ имѣть 14.000 пѣхоты и 7000 легкой конницы и второй—6000 пѣхоты и 3000 конницы, каждый съ надлежащимъ числомъ осадной и полевой артиллеріи, особенно 3-фунтовыхъ единороговъ, съ надлежащимъ запасомъ пороха и понтонными мостами. Третій корпусъ долженъ состоять изъ 5000 пѣхоты и 2000 конницы.

Корпусамъ въ иркутской губерніи должно собраться первому или главному—близъ Кяхты, второму въ Нерчинскѣ; въ колыманской губерніи—третьему—въ усть-каменогорской крѣпости или семипалатинской.

Главному корпусу отъ Кяхты должно слѣдовать къ Ургѣ, дѣлая своими отрядами всевозможныя утѣсненія непріятелю; второму изъ Нерчинска, перейдя Аргунь, идти къ Хайлару, зани-

мая селенія, лежащія къ устью Амура, и сдѣлавъ въ удобномъ мѣстѣ, ближе къ Амуру, укрѣпленіе; третьему—отъ сборнаго мѣста занять за озеромъ Норъ-зайсаномъ пограничныя мѣста—Чугучакъ, Годбутунчу и городъ при Илѣ, а потомъ сообразоваться съ дѣйствіями главнаго корпуса, занявшаго Ургу.

Такія распоряженія на столько стѣснятъ монголовъ, что они непременно должны будутъ принять подданство Россіи. Къ этому понудить ихъ отѣсненіе отъ нынѣшнихъ, удобныхъ для скотоводства, мѣстъ ихъ кочевьевъ на бесплодную гобійскую степь, гдѣ они не могутъ существовать; а какъ монголы обязаны продовольствовать китайскую армію, вступающую въ ихъ предѣлы, то съ отпаденіемъ ихъ вся тягость войны ляжетъ на однихъ китайцевъ и они не въ состояніи будутъ перейти гобійской степи.

При успѣшномъ выполненіи этихъ предположеній, китайцы конечно прибѣгнутъ къ переговорамъ и тогда, при заключеніи трактата, можно будетъ соблюсти всевозможныя выгоды для Россіи. Но если упорство ихъ будетъ столь велико, что и послѣ всѣхъ успѣховъ нашихъ они не согласятся на уступки, „то хотя трудности въ переходѣ черезъ гобійскую степь и весьма велики, однако не могутъ остановить ревности и усердія мужественнаго російскаго воинства; по переходѣ-же онаго степи, начнется ударъ китайскому государству, потрясеніемъ всего угрожающій.“

Вся трудность будетъ состоять въ прокормленіи войскъ во время прохода ихъ по мѣстамъ безлюднымъ и безхлѣбнымъ. Поэтому первоначально должны быть устроены въ извѣстныхъ пунктахъ запасныя магазины.

Для продовольствія перваго корпуса главные магазины должны быть учреждены на 21.000 человекъ въ Иркутскѣ, Селенгинскѣ и Кяхтѣ. Хлѣбъ въ нихъ долженъ быть заготовленъ въ иркутскомъ уѣздѣ, такъ какъ больше взять его не откуда. Но это скоро исполнено быть не можетъ, потому что 50.000 иркутскихъ земледѣльцевъ питаютъ три цѣлыя области—иркутскую, якутскую и охотскую. Войска должны переходить Байкаль съ начала марта до 10 апрѣля по льду, а по вскрытіи озера не-

обходимо тотчасъ отправлять транспорты съ хлѣбомъ Байкаломъ до устья Селенги, тою рѣкою поднимать до Селенгинска и на устьѣ Кяхты. Для перевоза Байкаломъ, Селенгою и прочими рѣками нужно заготовить достаточное число судовъ такой конструкціи, чтобы они были легки, требовали незначительной глубины, управлялись малымъ числомъ людей, поднимали большой грузъ и шли всякимъ вѣтромъ, кромѣ противнаго.

Для продовольствія второго корпуса главный магазинъ долженъ быть устроенъ въ Читѣ, а оттуда доставлено провіанта въ Нерчинскъ на 9000 человѣкъ. Покупку хлѣба, кромѣ нерчинскаго края, можно производить въ верхнеудинскомъ уѣздѣ, гдѣ и устроить запасный магазинъ, пополняя изъ него магазины Иркутскій и читинскій. Такой магазинъ удобнѣе всего устроить гдѣ либо въ селеніяхъ по р. Чикю, откуда хлѣбъ можно будетъ сплавать плотами и большими лодками по Чикю и Селенгѣ внизъ до Верхнеудинска, а отсюда отправлять, на разстояніи 500 верстъ, степью, до Читы. Эту доставку можно дѣлать, заготовивъ нужное число фуръ и воловъ. Отъ Читы до самаго Нерчинска, по рр. Ингодѣ и Шилкѣ, не будетъ никакого затрудненія въ доставкѣ провіанта лодками и плотами.

Для третьяго корпуса, со стороны колыванской губерніи, не встрѣтятся большихъ неудобствъ въ устройствѣ магазиновъ. Хлѣбъ можетъ доставить колыванская губернія, а если встрѣтится надобность, то и тобольская. Главный магазинъ долженъ быть устроенъ въ Усть-Каменогорскѣ, откуда хлѣбъ можетъ удобно доставляться Иртышемъ въ Норъ-зайсанъ и верхній Иртышъ.

При заключеніи новаго трактата съ китайцами должно быть положено непремѣннымъ условіемъ, чтобы вмѣсто Кяхты серединою границъ была Урга, „дабы на сей части китайское владѣніе отдѣлилось гобійскою стенью“. Отъ Урги наша граница должна идти въ одну сторону къ устью Амура, а въ другую—къ озеру Норъ-зайсану, безъ всякихъ изгибовъ. На устьѣ Амура необходимо учредить гавань, для сообщенія съ Кантономъ и другими китайскими городами. Съ тѣмъ вмѣстѣ должно стараться объ освобожденіи корейскаго короля отъ власти Китая. „По вступле-

ни мунгаловъ въ подданство Россіи, чтобъ не быть отъ великаго числа ихъ для границъ озабоченными, по могущему открыться въ нихъ непостоянству, благопотребно предложить однимъ занять къ кочевью мѣста между Красноярска и Канарѣки, а другимъ выше Абаканска и между непроходимыхъ горъ на степяхъ, весьма къ кочевью обширныхъ и удобныхъ, чѣмъ какъ облегчится безопасность границъ, такъ и имъ весьма выгодныя предоставятся къ умноженію скотоводства мѣста; оставшіеся-же будутъ въ теперешнихъ ихъ кочевьяхъ выгоднѣйшее имѣть пребываніе и не могутъ быть уже опасными границамъ.“

Таковъ въ главнѣйшихъ чертахъ проэктъ генераль-губернатора Якоби о завоеваніи части Китая. Былъ-ли онъ представленъ когда нибудь на усмотрѣніе правительства, или остался въ бумагахъ писавшаго его,—намъ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, въ исторіи нашихъ сношеній съ китайскою имперіей, этотъ проэктъ не долженъ быть обойденъ молчаніемъ.

Князь Н. А. Костровъ.

